ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

ПО РАССКАЗАМ МОЕГО ДЕДА

В № 14 «Знамени Октября» (4 апреля 2025 года) были опубликованы воспоминания бывшего пластовчанина Павла Ивановича Костенка о его деде – участнике Великой Отечественной войны Владимире Алексеевиче Степаненко. Кроме рассказа о своем дедушке, П.И. Костенок прислал в редакцию замечательные стихи и рассказы о войне, написанные по воспоминаниям его деда, полкового разведчика.

Павел Костенок

НЕНАВИСТЬ. РАЗГОВОР С ВНУКОМ

(декабрь 1941 – январь 1942 года)

Зима пуржила. Танки шли в колонне,
Гудя натужно, в заданный район,
А солнце на багряном небосклоне
Вело за батальоном батальон.
Броня стонала от декабрьской стужи,
Качались пушки, целясь в горизонт,
Саднило раны – им покой был нужен,
Но не судьба… Латали – и на фронт.
Почти смеркалось, мерно и устало
Стучала кровь тревогою в висок,
Казалось, видели уже немало,
Но жизнь опять преподнесла урок.
– Хорош коптить, – и с ближнего пригорка
«Сбор командиров!» зычно прозвучал.
– Дождитесь, – бросил я скороговоркой,
И к головной машине побежал.
Все, как обычно, встали полукругом,
Комбриг, немолодой, под пятьдесят,
Наград изрядно (знали, по заслугам),
Курил неподалёку. Стылый взгляд.
Окинув им худые наши лица,
Ведомый назначением своим,
Поправив нервно ромбы на петлицах,
Пошёл вперёд. Мы двинулись за ним.
Пройдя немного дальше по просёлку,
Случилось видеть, будто нам в укор,
Как крылья, руки, спутанную чёлку,
Взлетевший в небо убиенный взор.
А в нём мольба – не за себя, за дочку:
«Спаси её, спаси и сохрани!
Так хочется родить ещё сыночка…»
Но сочтены обеих были дни.
Рука убийцы, видно, не дрожала,
Душа, смердя, сгорела в нём дотла:
Малышка – та, что с матерью лежала,
Разорванная за ноги была.
Комбриг погладил маленькое тельце,
В шинель укутав, поднял над собой,
И вдруг – глаза бывалого гвардейца
Блеснули ярко скорбною слезой.
– Запомним всё! – охрипнув на морозе,
Он молвил средь звенящей тишины.
Я лишь тогда комбрига видел слёзы
В начальный год той памятной войны.
Что было дальше? Санитарный поезд,
Немецкий, под погрузкою стоял,
Мы дали залп – не спрашивай про совесть.
– За девочку! – я в ярости кричал.
Потом по рации: «Беречь патроны!»,
И гусеницы танков – все в крови.
Давили фрицев рядом с эшелоном,
Отборным матом крыли, как могли…
В район мы вышли точно, по приказу,
Втянулись вновь в суровые бои,
Забыть, что видели, не вышло сразу,
Да и сейчас, хоть чем нас опои…
Во снах моих – худой белёсый немец,
Который, ковыляя, падал в снег,
И мать с ребёнком… Пусть тот иноземец…
Пусть трижды проклят будет он вовек!..
Он жить хотел? Наверное… И всё же…
Совсем был молод? А его дела?
Девчоночка была ещё моложе,
На белом свете год не прожила.
Ты знаешь, внук? Скажу тебе особо:
Я помню, хоть и жизнь почти прошла:
Не месть владела нами и не злоба,
Нас праведная ненависть вела!

«САМОВАРЫ». ВЕСНА 1943 ГОДА

Вокруг на постелях сплошь серые лица,
Здесь кто-то кимарит, кому-то не спится.
Всё это надолго, кому-то – навеки.
И слева – калеки, и справа – калеки.
Привычным становится быт госпитальный,
Все мы под присмотром, и харч тут
нормальный.
И всё же война… в коридорах, палатах.
Сестрички, уставшие, в белых халатах…
Хирург нервно курит… круги под глазами…
Где силы берёт? Удивляемся сами…
Хотя для бывалых раненья не внове,
Мутит иногда нас от запаха крови,
От хлорки, таблеток… и хочется водки…
Сейчас, в сорок третьем, нас радуют
сводки.
Бьют немца на фронте – и крепнет
надежда:
– Победа придёт! Будет лучше,
чем прежде…
Но рядом с надеждой царит безнадёга,
Мы нянечкам ходим туда на подмогу –
В соседних палатах и млады, и стары
Почти недвижимы… лежат «самовары».
Тут тихо, не слышно совсем разговоров
И шуток, и шумных отчаянных споров.
Лежащие здесь, в основном, молчаливы –
Как будто в сомнении: «Живы? Не живы?»
Страдающих много… Вон дядька
– вполтела –
Во сне зароптал, как душа захрипела…
Вот рук нет… Вот – ног… Ни того,
ни другого –
У рослого парня, совсем молодого…
Глаза лишь – бездонные… кроткие…
синие –
И губ, обгоревших, лиловая линия.
– Жалеешь, братишка? – угрюмо косится, –
Надумаю вдруг – нечем мне застрелиться…
– Напишешь письмо? Так по маме скучаю…
– Конечно, солдат, – я согласно киваю.
– Хотя… Не пиши! – как огнём опаляет, –
Зачем ей всё это? Пусть лучше не знает!
– Что толку с меня? Мой удел –
полугрубок.
Ну кто я, теперь? Человек?.. Не-е-т…
Обрубок!..
И враз замолчал, потускнел, обессилел:
– Я сам себе, веришь, уже опостылел…
Замкнулся угрюмо, забылся… А ночью
Жизнь парня была бы разорвана в клочья,
Спасуй он и сдайся костлявой на милость…
Но он превозмог… Утром солнце носилось,
Лаская увечных по тихим палатам
И радуясь мирного грома раскатам.
Весна начиналась – манящая птица,
Бойцы оживали, светлели их лица…
Зашёл я тогда к «самоварам», и малый
Сказал, улыбнувшись по-свойски, устало:
– Видал я такое – ничто мои беды,
Ещё поживу… Ну, хотя б до Победы!

СЛОВАРИК

«Самовары» – прозвище военнослужащих, лишившихся в результате ранений обеих рук и ног, возникшее в народе после Первой мировой войны.
Полугрубок – выступ у русской печи, лежанка.

В ЗЕМЛЯНКЕ

(осень 1941 года)

Сержанта Степаненко разбудило внезапно возникшее во сне чувство необъяснимой тревоги. Холодное, липкое, выворачивающее наизнанку. Это чувство было знакомо ещё по первым боям. Но если тогда, в июле сорок первого, оно порой выбивало из колеи, то впоследствии, с накоплением фронтового опыта, наоборот, включало в работу так необходимую разведчику интуицию.

Открыв глаза, командир разведгруппы вспомнил, что после выполнения задания в тылу противника они вышли ночью на нейтральную полосу. Но добраться до своих не получилось, так как, готовясь к очередному броску на Москву, немцы кошмарили артиллерией передний край нашей обороны. Решили переждать в попавшейся по пути полуразрушенной землянке.

Стараясь не издавать шума, сержант приподнял голову, прислушался, посмотрел вокруг. И на улице, и внутри землянки было относительно тихо. Артобстрел закончился. А пулеметная стрельба и звуки периодически взмывавших в небо осветительных ракет были настолько привычны, что воспринимались как нечто само собой разумеющееся. Смертельно уставшие люди спали вповалку. Их пятнистые маскхалаты сливались с окружающим полумраком и позволяли разглядеть лишь контуры лежащих на полу тел.

С левой стороны от командира похрапывал земляк Федя Копытов. Далее угадывалась богатырская фигура Толи Калугина. За ним лежали два Павла: Железнов и Свистунов. Далее – бывший пехотинец Петров, попавший в их танковую бригаду после выхода из окружения. Далее …

– Стоп! – После секундного замешательства у Степаненко вновь похолодело в груди. – А справа от меня?..

Спящих людей насчитывалось гораздо больше, чем было в группе.

– Кто это? Наши? Фрицы? Наверно, тоже разведка… – мысли понеслись вскачь. – Когда они здесь появились? До нас? Или после? И как не мы, не они не заметили присутствия друг друга? Умотанные все до предела…

Повернув голову направо, Степаненко даже в полутьме ощутил на себе чей-то взгляд. Включил карманный фонарик, частично прикрыв его пилоткой, чтобы избежать яркого света. Медленно сел, не делая лишних движений. Человек, лежавший рядом, по-прежнему, не сводил с него напряжённого взгляда. Потом тоже, не торопясь, сел, рассмотрел сержанта и прошептал по-немецки:

– Oh, main Gott! Russen!

Немец был высоким мужчиной средних лет. Волевой подбородок, стальной блеск и дерзость в глазах. Такой вполне мог быть старшим в своей группе.

– Что делать? Для рукопашной то места мало, а уж для стрельбы… – Степаненко понимал, что решение должно быть принято без промедления, пока не проснулись остальные. – Сцепимся, живым отсюда никто не выйдет. Умереть дело не хитрое. А в бригаде добытые нами сведения ждут как манны небесной…

Он выразительно посмотрел на немца, который, похоже, тоже лихорадочно искал выход из создавшегося положения. Затем молча и неторопливо начал жестикулировать. Показал указательным пальцем вначале на одного из своих бойцов, потом – на дверь, повторил эти жесты по отношению к одному из солдат противника. Жестами же предложил очередность выхода на улицу и пояснил, что стрелять не стоит. Немец согласно покачал головой.

– Ребята, подъём. Ничему не удивляемся. Собираемся и выходим на воздух. Без суеты, по одному, чередуясь с фрицами, – негромко, но уверенно заговорил Степаненко.

Что, в свою очередь, сказал командир вражеских разведчиков, красноармейцы не поняли. К сожалению, языка врага никто не знал. Однако все договорённости были соблюдены. Если не считать того, что в какой-то момент у самого молодого немца не выдержали нервы, он вскинул автомат наизготовку, но резкий, лающий окрик старшего, вернул ему самообладание.

Выйдя из землянки, обе разведгруппы разошлись в предрассветном осеннем тумане каждая в свою сторону.

– Володя, скажи, боязно тебе было там, в землянке? – уже вечером в расположении части задал вопрос Петров.

В глазах сержанта заплясали черти, и он, копируя манеру разговора своего товарища, ответил:

– Боязно, паря. Даже страшно. Мы же нечасто с фрицами в обнимку спим.

Затем посерьёзнел:

– Не боятся, Архип, только дураки. Надеюсь, мы к ним не относимся. Одно жалко: не получилось у нас в этот раз гадов прищучить.

– Ничего, Володя. Война, закончится, увы, нескоро. Поквитаемся ещё, – Петров вздохнул и задумался о своём.